

30
А
Александръ Ярошко.

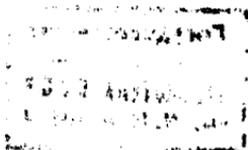
Р 30
Г 166

801-82
573-8

РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ НА ЮГѢ.

ЕГО

ПРОШЕДШЕЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н^о,
Пяменовская ул., соб. домъ.

1894.

Государственный
ЗНАМЕНА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

130003-48

2007058370

Audiat et altera pars...

Наша ненормально сложившаяся во многихъ отношеніяхъ экономическая жизнь, въ послѣднее время выдвинула на первый планъ два вопроса громадной важности—переселенческой и рабочей. Причины, породившія ихъ, лежатъ въ одномъ и томъ же—въ малоземеліи. Лѣтъ двадцать тому назадъ, оба эти вопроса были еще въ состояніи зародыша и не носили такого стихійнаго характера, что, впрочемъ, очень не трудно объяснить: нужда въ землѣ не достигла еще до такой крайности и сельско-хозяйственный инвентарь крестьянина не выражался въ удивляющей даже ко всему привыкшихъ статистиковъ цифрѣ—«четверть лошади». Отдѣльные семьи, которымъ приходилось ужь очень тяжело у себя дома, по большей части изъ числа получившихъ «кошачьи» надѣлы, уходили на югъ въ-одиночку или партіями, не подвергаясь ни административной, ни волостной опекаѣ. Односельчанамъ такіе уходящіе были по сердцу, такъ какъ надѣлы ихъ оставались въ пользу общества и увеличивали такимъ образомъ общую площадь принадлежащей деревнѣ земли. Сами эмигранты, за весьма рѣдкими случаями, устраивались очень хорошо, большинство ихъ превратилось въ зажиточныхъ хозяевъ, и теперь не рѣдкость, въ Таврической и Херсонской губерніяхъ и въ Кубанской области, встрѣтить хутора и цѣлыя экономіи, въ нѣсколько сотъ и тысячъ десятинъ, принадлежація этимъ выходцамъ, явившимся сюда четверть столѣтія тому назадъ почти безъ всякихъ средствъ. Конечно, не всѣ сдѣлались помѣщиками, но и тѣ, которымъ не удалось купить землю въ вѣчность, устроились несравненно лучше, нежели жили на родинѣ. Въ то время новороссійскія и прикубанскія степи представляли собою колоссальную пустыню, съ крайне рѣдкимъ населеніемъ. Земледѣлія и хлѣбопаше-

ства почти не существовало, такъ какъ, при тогдашнихъ цѣнахъ на хлѣбъ, отдаленности отъ рынковъ и отсутствіи путей сообщенія, заниматься производствомъ его не представляло никакой выгоды. Огромныя помѣщичьи земли, захваченныя разными чиновными людьми путемъ обмана и выклянченныя у всеильнаго Потемкина при присоединеніи Новороссіи, тянулись на десятки верстъ, зачастую безо всякаго признака жилья и извѣдка только пестрѣли на зеленомъ фонѣ дѣвственной степи сѣрыя пятки мериносовъ. Крѣпостное право въ Таврической губерніи было очень мало развито и помѣщичьихъ крестьянъ можно было пересчитать по пальцамъ. Села государственныхъ крестьянъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, разросшіеся теперь до величины чуть-ли не городовъ, съ 15—20-ти тысячнымъ населеніемъ, и образованныя почти исключительно изъ ссыльныхъ крестьянъ, которыхъ нагоняли сюда за преступленія, главнымъ образомъ за насилія надъ своими владѣльцами, представляли собою небольшія слободы, затерявшіяся въ степи, гдѣ земли было сколько угодно и пользоваться ею никому не возбранялось. Помѣщики охотно принимали къ себѣ переселенцевъ, предоставляя имъ право пахать, сѣять, заниматься скотоводствомъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ, такъ какъ каждый поселявшійся у нихъ человекъ, eo ipso поднималъ доходность имѣнія. Общества принимали поселенцевъ желавшихъ приписаться съ распростертыми объятіями и давали имъ надѣлы, равные съ прочими *). Основной господствовавшій принципъ выражался въ слѣдующей фразѣ: земли сколько хочешь, въ вѣкъ ее не перепашешь. Тѣ, которымъ не по сердцу были Херсонскія и Таврическія степи, уходили въ Черноморье, записывались въ казаки, или устраивались тамъ хуторами, рядомъ съ казачьими станицами, арендуя у казаковъ землю за гроши. Изъ этихъ-то хуторовъ образовались тѣ крупныя, богатыя селенія «иногороднихъ», которыя, словно бѣльмо въ казачьемъ глазу, сидятъ почти возлѣ каждой станицы, вызывая глухую вражду и зависть казаковъ.

Такъ было четверть вѣка тому назадъ. Вся эмиграція изъ среднихъ

*) Казва, сдѣлавшаяся обладательницей земель только что эмигрировавшихъ татаръ и ногайцевъ, охотно отводила участки соединявшимся въ общества поселенцамъ, предоставляя имъ право выбора. Мы знаемъ случаи, когда поселенцы нѣсколько разъ мѣняли выбранныя земли и никто имъ препятствія въ этомъ не чинилъ.

губерній направлялась тогда исключительно на югъ и прочно осѣдала здѣсь. Но вотъ прорѣзала степи желѣзная дорога, открылся путь къ морю, явился спросъ на хлѣбъ, который достигъ цѣны никогда не бывалой до того времени. Южно-русскія степи стали терять свой дѣвственный колоритъ; цѣлина все болѣе и болѣе исчезала и смѣнялась посѣвами пшеницы, ржи, льна. Цѣнность земли страшно пошла въ гору и въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ возросла въ десять разъ больше. Началось азартное пшеничное хозяйство, осыпавшее въ первые годы предприимчивыхъ людей золотомъ. При стоимости земли въ 15—20 рублей за десятину, при копѣчной арендной платѣ, пшеница, дававшая баснословные урожаи, платилась по 12—15 рублей за четверть. Южнорусское хозяйство сразу приняло другое направленіе; къ этому времени относится массовый переходъ земли изъ рукъ въ руки: сотни тысячъ десятинъ помѣщичьихъ имѣній перешли въ руки нѣмцевъ и крестьянъ. Нѣмцы бросились въ Крымъ и закупили въ короткое время у сбитыхъ съ толку быстро растущими цѣнами владѣльцевъ сразу половину перекопскаго уѣзда. Отсюда они начали производить дальнѣйшія скупки въ сосѣднихъ степныхъ уѣздахъ. Новые хозяева принимались прежде всего за сплошную распашку и засѣвъ степи.

Съ повышеніемъ цѣнъ на землю, повысилась пропорціонально и аренда, какъ денежная, такъ и натуральная. Условія, существовавшія раньше и выражавшіяся въ платѣ владѣльцу земли (денежная аренда была въ меньшемъ ходу) десятой части урожая, быстро отошли въ область преданія и замѣнились новыми, настолько тяжелыми, что «десятинники», т.-е. безземельные, жившіе прежде на помѣщичьихъ земляхъ и платившіе аренду натурою, въ большинствѣ случаевъ совершенно разорились и принуждены были, частью уйти въ другія мѣста, частью изъ хозяевъ обратились въ батраковъ. Владѣльцы, еще такъ недавно видѣвшіе все свое спасеніе въ десятичникахъ, теперь, при измѣнившихся условіяхъ, стали прижимать ихъ всякими способами, чтобы заставить уйти; что же касается до нѣмцевъ, болгаръ и зажиточныхъ крестьянъ, то они, при покупкѣ имѣній, ставили какъ *condicio sine qua non*, обязательное выселеніе всѣхъ десятичниковъ и арендаторовъ въ первый же годъ. Эта эпоха совпала какъ разъ съ періодомъ полнѣйшаго разоренія татарскаго дворянства, владѣвшаго въ Крымѣ огромными землями. На этихъ земляхъ, составлявшихъ при